

В прохладной гримёрной, где укрылись все трое, царило молчание. Обед прошёл тихо — никто не горел желанием заводить пустые разговоры.

Во время полуденного перерыва уходить тоже никуда не хотелось. Один уткнулся в сценарий, заучивая реплики, другой лениво гонял простенькую игру на телефоне, а третий... третий уже долгое время неотрывно наблюдал за коллегой, который совершенно этого не замечал.

Линь Цзичу долго терпел этот настойчивый, обжигающий взгляд. В конце концов выдержка ему изменила, и он повернул голову, встречаясь с нарушителем спокойствия лицом к лицу.

Будь они вдвоём, Линь Цзичу давно бы осадил его парой слов. Но в комнате находился кое-кто третий — человек для Цзичу совершенно незнакомый, но явно близкий Шэнь Циханю. Разыгрывать при нём сцены не хотелось, как и привлекать лишнее внимание к их странной неловкости.

Пришлось промолчать. Линь Цзичу лишь выразительно посмотрел на Шэнь Циханя, надеясь, что тот поймёт всё без слов.

Наткнувшись на этот предостерегающий взгляд, Шэнь Цихань словно очнулся от затянувшегося сна и наконец осознал, как глупо выглядит со стороны.

Другой на его месте сгорел бы от стыда, но Цихань никогда не жаловался на излишнюю скромность. Он и бровью не повёл — лишь тепло, понимающе улыбнулся и только после этого неторопливо отвёл взгляд.

Цзичу недовольно нахмурился, мысленно пообещав ему все кары небесные, и, убедившись, что этот несносный человек наконец уgomонился, вернулся к прерванному делу.

Но не прошло и пары секунд — Цзичу даже не успел отыскать глазами строчку, на которой остановился, — как у самого уха раздался вкрадчивый, чуть хрипловатый голос Шэнь Циханя.

— Линь Цзичу, давай повторим реплики?

Тон у него был лёгкий, непринуждённый. Обернувшись, Цзичу вновь столкнулся с его улыбкой.

Слишком возмужал. В чертах лица, когда-то по-мальчишески мягких, теперь сквозила зрелая суровость, а в глубине глаз, если присмотреться, залегла незнакомая, несвойственная ему прежнему грусть.

Эту тень Цзичу замечал лишь тогда, когда по-настоящему вглядывался в него — как сегодня утром, во время съёмки промо-фотографий. Со стороны могло показаться, будто ему всё равно, но на самом деле он подмечал каждую мелочь, бережно и тайно складывая её в самый дальний уголок души.

Разумеется, разум твердил держать дистанцию, но сердце упрямо бунтовало. Оно походило на приливную волну — разве под силу человеку укротить стихию? Даже два года полной разлуки не смогли стереть то, что он испытывал к Шэнь Циханю.

— Хорошо, — сухо согласился он.

Раз уж дело касалось работы, причин для отказа не нашлось.

Шэнь Цихань, до этого чинно сидевший в отдельном кресле, подскочил так быстро, словно у него за спиной выросли крылья, и мгновенно перебрался на диван, устроившись вплотную к Цзичу.

В нос тут же ударил тонкий, едва уловимый аромат мяты. Цзичу непроизвольно вдохнул глубже, наслаждаясь этой прохладной свежестью.

Линь Цзичу поднял глаза. Они оказались так близко друг к другу, что реальность на миг поплыла, возвращая его во вчерашнее утро — в момент их внезапной встречи. Сердце предательски пропустило удар.

«Интересно, он выбрал этот парфюм, чтобы скрыть запах табака?»

Цзичу мысленно усмехнулся собственной нелепой догадке.

«Хватит. Он просто коллега. Обычный коллега по съёмочной площадке»

Внушать себе это становилось всё труднее.

Послеполуденные съёмки шли как по маслу.

Дизайнеры тем временем вовсю дорабатывали промо-фотографии. Где-то в половине третьего готовые снимки скинули в общий рабочий чат, чтобы актёры и руководство могли внести финальные правки.

Линь Цзичу к тому моменту как раз закончил свою сцену. Он отсмотрел дубли на мониторе, выслушал пару замечаний режиссёра Ли Жэня и укрылся в небольшом навесе, который съёмочная группа наспех соорудила для спасения от жары.

Тень от тента давала слабую защиту: раскалённая под солнцем земля дышала зноем прямо в лицо.

За час непрерывной работы на площадке Цзичу взмок до нитки. Обдувая лицо карманным вентилятором, он упрямо вчитывался в лежащий на коленях сценарий.

— Промо-фото посмотрел?

Голос прозвучал совсем рядом, чуть громче обычного. Линь Цзичу мог бы и не оборачиваться — он узнал бы этого человека из тысячи. Но голова повернулась сама собой. Вместо дежурного «сейчас гляну» он почему-то брякнул:

— А где их выложили?

Шэнь Цихань стоял у входа под навесом, его силуэт чётко обрисовывался на фоне слепящего солнца.

Показалось ли ему, или Цихань действительно тихо, беззлобно пробормотал под нос:

«Ну что за дурачок»

Разобраться в этом Цзичу не успел, отвлечённый ответом:

— В нашей рабочей группе. Проверь телефон.

— Ладно, сейчас...

Договорить он не успел. Шэнь Цихань бесцеремонно опустился на соседний складной стул и придвинулся ближе, протягивая свой экран.

— Спасибо, я со своего посмотрю, — мягко отказался Цзичу, доставая мобильный из кармана брюк.

Ожидаемый отпор нисколько не задел Циханя. Он послушно убрал руку, откинулся на спинку стула и уткнулся в свой телефон.

До этого он добрых полминуты простоял на самом солнцепёке. Тяжёлый парик раскалился, капли пота катились по вискам, но Цихань словно не замечал неудобств.

С какой страстью Цзичу отдавался чтению сценария, с такой же сосредоточенностью Шэнь Цихань любовался им.

Как и два года назад, вид Цзичу, уткнувшегося в бумагу, вызывал у него щемящее чувство нежности. Нарушать этот покой не хотелось — только бы сидеть рядом и смотреть без конца.

Цзичу открыл мессенджер. Чат действительно разрывался от уведомлений.

Прокрутив чужие снимки без особого интереса, он невольно притормозил на портретах Шэнь Циханя. Поколебавшись секунду, всё же открыл их на весь экран.

Действовал он крадучись, торопливо смахнув изображение обратно в ленту — будто боялся, что Цихань поймаёт его на этой секундной слабости.

Свои сольные кадры он оценил спокойнее: свет выставлен безупречно, ретушь аккуратная, образ передан точь-в-точь как задумывалось. Всё отлично.

Дальше шли совместные снимки. Вот на них Цзичу задерживался дольше, вглядываясь в детали.

На первом фото Шэнь Цихань по-хозяйски обнимал его за плечи, ослепительно улыбаясь в объектив. Сам Цзичу на его фоне выглядел сдержанным и мягким — улыбка вышла робкой, едва заметной. Контраст характеров получился идеальным.

Линь Цзичу присмотрелся к чужой ладони на своём плече. Статичный кадр не мог передать ничего, кроме позы, но память мгновенно услужливо воскресила то забытое ощущение — тяжесть и горячее тепло пальцев Шэнь Циханя через ткань одежды. Цзичу словно снова очутился под вспышками софитов, чувствуя, как сладко и тревожно замирает сердце от этого мимолётного прикосновения.

На втором снимке они стояли спина к спине. Разница в росте почти на полголовы бросалась в глаза, да и по комплекции Линь Цзичу заметно уступал Циханю. Рядом с ним он казался хрупким, почти незаметным — как верный оруженосец подле великого воина.

Что на одиночных портретах, что на общих — Шэнь Цихань неизбежно приковывал к себе взгляд. Его породистая красота, уверенная осанка и этот глубокий, с поволокой разрез глаз делали его бесспорным центром композиции. Он сиял, подобно яркой звезде, рождённой для того, чтобы озарять этот мир и ловить на себе восхищённые взгляды толпы.

Над последним снимком Цзичу завис дольше всего.

Объектив камеры беспристрастен — он фиксирует лишь внешнюю оболочку. На глянцевом цифровом холсте не проступит то смятение, что охватило Линь Цзичу, когда кончик его уха случайно скользнул по обнажённой шее Циханя.

И на этом кадре, где они смотрят глаза в глаза, посторонний зритель увидит лишь то, что требовал режиссёр — сложную палитру чувств двух персонажей. Никому и в голову не придёт, какой ураган мыслей бушевал в тот миг в голове одного из актёров.

Линь Цзичу замер, уставившись в одну точку. Шэнь Цихань не видел его экрана, но догадывался, какой именно снимок заставил юношу так глубоко задуматься. Наверняка тот самый, их общий.

Шэнь Цихань и сам разглядывал его всего несколько минут назад. Кадр действительно получился невероятным, магнетическим. Интересно, Цзичу застыл именно из-за него?

Цзичу быстро напечатал в чате короткое «всё устраивает, правок нет», заблокировал экран и отложил телефон. Хватит предаваться глупым воспоминаниям — пора возвращаться к роли.

Шэнь Цихань больше не лез с разговорами. Посидев молча ещё пару минут, он тихо поднялся и ушёл. До самого конца перерыва он так и не появился.

Строчки в сценарии начали расплываться. Цзичу поймал себя на том, что косится на пустой стул рядом. Он поспешно отвёл глаза, сделал вид, что разминает шею, и незаметно огляделся по сторонам. Циханя нигде не было видно.

«Куда его понесло? Мог бы хоть предупредить, что уходит...»

Линь Цзичу раздражённо выдохнул, мысленно давая себе затрещину. С какой стати его вообще должно волновать, куда ходит Шэнь Цихань? Не хватало ещё забивать голову этой ерундой.

Ровно в три часа дня официальный аккаунт дорамы в Вейбо опубликовал промо-фотографии. Поскольку утренний анонс знатно подогрел интерес публики, фанаты задолго до назначенного времени оккупировали страницу проекта, без умолку нажимая кнопку обновления.

В момент публикации Линь Цзичу стоял перед камерой. Добраться до телефона ему удалось только во время короткой паузы между дублями.

Запустив приложение, он с удивлением обнаружил девственно чистую панель уведомлений — ни единого красного кружка. Секунду спустя до него дошло: он всё ещё авторизован под своим секретным личным аккаунтом. Цзичу поспешно переключился на официальный профиль. Обычно при таких масштабных анонсах SMM-щики отмечают всех ведущих актёров, так что отсутствие уведомлений могло означать только одно — он зашёл не туда.

На его официальный аккаунт было подписано около восьмисот тысяч человек — скромный результат за три года упорной работы. Впрочем, львиную долю этой цифры составляли мёртвые души и боты: свежие публикации за первые двое суток едва набирали тысячу лайков, а ветка комментариев редко переваливала за пару сотен.

Цзичу искренне ценил тех немногих живых подписчиков, что оставались с ним. Честно говоря,

его блог и сам походил на заброшенный фейк: за три года набралось едва ли две сотни постов, причём собственные мысли он выкладывал по праздникам, в основном ограничиваясь сухими репостами официальных анонсов со съёмочных площадок.

Дело было не в лени — он просто ума не мог приложить, о чём писать. С каждым днём делиться личным хотелось всё меньше, публикации откладывались «на потом», и в итоге страница превратилась в безжизненную пустыню, где лишь изредка, точно сухие перекати-поле, мелькали служебные репосты.

<http://bllate.org/book/18328/1787954>